

Непубликованная поэма Багрицкого

Об этой шуточной поэме Багрицкого я впервые услышал от С.И. Липкина. Было это, наверно, лет двадцать пять тому назад. Семен Израилевич с наслаждением цитировал запомнившиеся ему самые яркие строки, из которых больше всего его радовали такие: "Гремит боевая халтура..." и "За пушкинской задницей пышно цветет советская литература".

При этом он не забывал пояснить, что в описываемые времена бронзовый Пушкин стоял на Тверском бульваре лицом к Страстному монастырю и спиной к Дому Герцена, где размещался тогда главный штаб этой самой "боевой халтуры".

Тогда же он рассказал мне забавную историю, связанную с созданием поэмы. Сочинялась она, само собой, для домашнего употребления. Но очень быстро, что называется, пошла по рукам. И имела довольно бурный успех. Соблазненный этим успехом, приятель Багрицкого Давид Бродский, принимавший весьма пассивное участие в сочинении поэмы (его перу принадлежала всего лишь одна ее строфа), стал поговаривать о себе как о соавторе, а может быть, даже и главном авторе всего произведения. Зарвавшегося "соавтора" решено было проучить. Его пригласили повесткой явиться в некое учреждение. Там его ожидал "следователь", задавший ему несколько грозных вопросов. Перетрусивший "соавтор" мгновенно от соавторства отказался, чему охотно дал письменное подтверждение. На другой день это собственноручно написанное и подписанное им заявление было ему предъявлено. Роль следователя в этом коварном дружеском розыгрыше талантливо сыграл Евгений Петров, с которым Бродский не был знаком.

Позже ту же историю (с некоторыми разночтениями) я услышал от Г.Н. Мунблита, который потом изложил ее письменно и опубликовал в своих воспоминаниях о Багрицком (Г. Мунблит. Рассказы о писателях. М., 1989). Воспоминания свои Георгий Николаевич писал по памяти, никаких дневников и письменных заметок того далекого времени у него не сохранилось. Но — сохранился текст поэмы, который он великодушно позволил мне переписать.

Повторяю: поэма сочинялась для тесного дружеского круга. О публикации ее Багрицкий не помышлял, да это было и невозможно по тогдашним цензурным условиям. Однако он охотно читал ее не только в домаш-

ней обстановке. Так, например, однажды он прочел ее "перевальцам", где удостоился неожиданного упрека от присутствовавшего на чтении Карла Радека: тот обвинил автора поэмы в антисемитизме. В другие времена за ту же поэму, стань она достоянием общественности, Багрицкого наверняка обвинили бы (с тем же основанием) в еврейском буржуазном национализме. А в еще более поздние, может быть, даже и в русофобии.

Между тем для любого непредвзятого читателя совершенно очевидно, что некоторый еврейский "акцент", отдельные еврейские словечки, вкрапленные в речи главных героев поэмы, понадобились Багрицкому вовсе не для того, чтобы попрекнуть Лелевича или Авербаха их местечковым происхождением. Это был способ создания определенного комического эффекта, способ травестирования баллады А.К. Толстого о Ваське Шибанове. Точнее — один из способов. В других случаях тот же эффект достигался другими средствами. Часто вводя в текст своей поэмы прямые цитаты из "Василия Шибанова", Багрицкий всякий раз так "поворачивает" цитату, что она обретает новое, комическое звучание. Иногда он просто перефразирует строки А.К. Толстого. Скажем, у того: "Прочтет, улыбнется, и снова прочтет...", а у Багрицкого: "Прочтет, матюкнет и опять матюкнет...". У А.К. Толстого: "И аз, иже кровь в непрестанных боях за тя, аки воду, лиях и лиях...". А у Багрицкого его герои в своих бумажных боях проливают не кровь, а чернила. Но иногда строки А.К. Толстого включаются в травестируемый текст почти дословно:

Заплечные входят опять мастера,

Опять зачалася работа.

Но попытка, которой подвергают заплечные мастера посланца Лелевича, сильно отличается от той, которой был подвергнут герой А.К. Толстого: она состоит всего лишь в том, что ему всю ночь напролет читают стихи пролетарских поэтов. В конечном счете, однако, эта "мнимая" попытка оказывается не менее жестокой, чем та, настоящая: у Багрицкого посол Лелевича в финале поэмы тоже умирает в страшных мучениях, точь-в-точь как посол князя Курбского у его предшественника.

Конечно, все эти травестийные приемы имеют вполне определенную сатирическую цель. Иные сатирические выпады автора кажутся сравнительно мягкими и даже беззлобными. Но некоторые из них достигают остроты и силы подлинного сарказма. Так, например, ту роль, которую у А.К. Толстого играет посох (костыль) Ивана Грозного, Багрицкий в своей поэме отводит вполне реальному, конкретному человеку. Живой человек, ставший тупым (виноват, скорее острым) орудием в чьих-то руках! И не просто орудием, но — орудием пытки! Куда уж злее...

На этом, собственно, можно было бы поставить точку, тем более что я, кажется, уже и так сильно злоупотребил вниманием читателя и даже несколько нарушил четкие границы жанра вступительной заметки. К тому же читатель "Вопросов литературы" наверняка и сам легко сообразит, куда было направлено, как любил говорить в таких случаях Зоценко, жало этой художественной сатиры.

Но я все же считаю нелишним напомнить некоторые исторические реалии.

После известной резолюции ЦК ВКП(б) 1925 года в руководстве РАПП произошел раскол. Так называемые "левые" рапповцы (Лелевич, Безыменский, Родов) категорически отказались от всякого сотрудничества с писателями-попутчиками. Это "левонапостовское меньшинство" возглавил Л.Г. Лелевич, который весной 1926 года "за левооппортунистическую литературно-политическую линию, шедшую вразрез с литературной политикой партии", был выведен из руководства РАПП. Этим же годом "Литературная энциклопедия" (т. 6, М., 1932, с. 167) датирует начало "научной работы" Лелевича в Саратовском университете, что в поэме Багрицкого отмечено строкой: "А я — направляюсь в Саратов".

Скорее всего, поэма была написана по горячим следам всех этих событий, то есть в том же 1926 году.

Строка "С ним некий поэт безымянный" подразумевает не Александра Безыменского, как можно было бы предположить, а отца Лелевича, малоизвестного поэта, печатавшегося под псевдонимом "Перекасти поле". Другие соратники Лелевича, вместе с ним образовавшие "левонапостовское меньшинство", — И. Вардин и С. Родов — названы в поэме собственными своими именами.

Г. Мунблит в своих воспоминаниях о Багрицком, пересказывая (очень кратко, одним абзацем) содержание поэмы, послужившей поводом для веселого дружеского розыгрыша, небрежно роняет, что сама поэма "особыми достоинствами не блистала".

Я думаю, что эта оценка чрезмерно сурова и, в конечном счете, несправедлива.

Не сомневаюсь, что читатели некоторые несомненные достоинства в этом шутовском сочинении все же обнаружат. Я уж не говорю о том, что жанр, к которому оно принадлежит, имеет давнюю и славную традицию. "Литературная энциклопедия", правда, перечисляя все былые достижения бурлескной, трагестийной поэзии — от ирои-комической поэмы Франческо Бернини (1541 г.) до "Энеиды" И. Котляревского, — меланхолически отмечает, что в новейшей литературе этот жанр "развития не получил и в значительной мере является образцом пережиточной жанровой формы".

Травестийная поэма Багрицкого свидетельствует о том, что это пессимистическое заключение не вполне соответствует истине. "Пережиточная жанровая форма" в ней вдруг обнаружила поистине недожинную жизнеспособность, оказалась живой и полнокровной.

Эдуард БАГРИЦКИЙ

Не Васька Шибанов и не Ванька Молчанов

Лелевич от раповской злобы бежал.
С ним некий поэт безымянный.
Лелевич измучен, Лелевич устал, —
Как быть среди дороги туманной?
Но, старых напостовцев столп и оплот,
Лелевич поэту червонец дает:
— Скачи до московских ты хватов,
А я — направляюсь в Саратов.

И пишет Лелевич всю ночь напролет,
Стило его местию дышит.
Прочтет, матюкнет и опять матюкнет,
И снова без отдыха пишет.
И хохму за хохмой он сыплет не зря,
И вот уж, когда заалела заря,
Приспело для вражьего сердца
Послание, полное перца.

Но кто же, кто мужества явит пример?
Кто ринется в пламенный кратер?
Папаша Лелевича слеп, как Гомер,
Ведет его под руку мать.

Веселый есть дом на бульваре Тверском,
Ночами и днями гудит он,
Пивным перегаром, плохим табаком
И пылью полемик напитан.
За пушкинской задницей пышно цветет
Советская литература.
Вождем славословья там Жаров поет,
Гремит боевая халтура.
Там воеет труба, тарыхтит барабан,